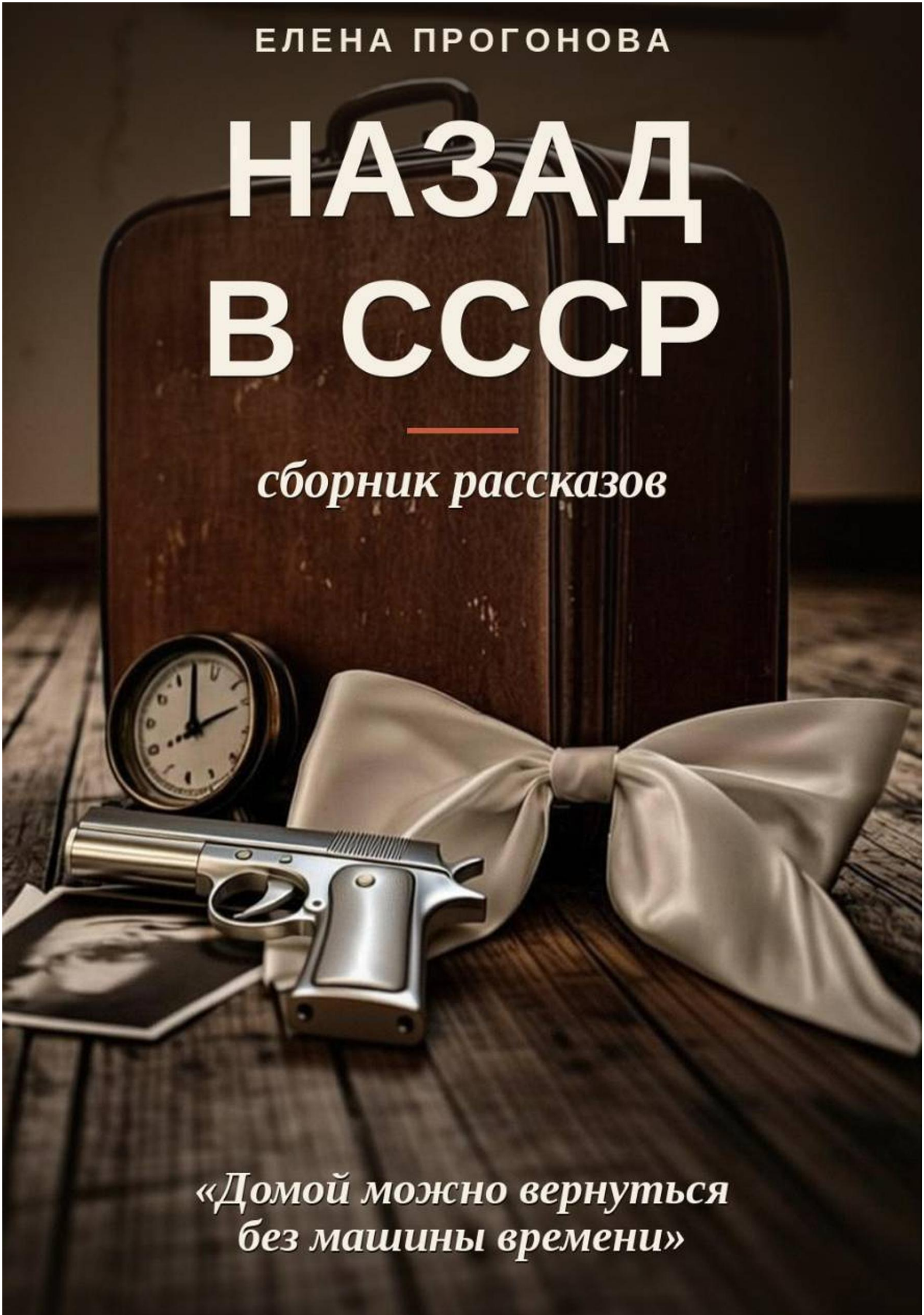
ЕЛЕНА ПРОГОНОВА

НАЗАД В СССР

сборник рассказов

«Домой можно вернуться без машины времени»

Елена Прогонова

Назад в СССР

«Автор»
2026

Прогонова Е.

Назад в СССР / Е. Прогонова — «Автор», 2026

Коммунизм, БАМ, видеотелефоны - это мне обещали. Афган, Чернобыль, развал СССР и очередь за хлебом - это мне досталось. Немного хиппи - это уже я сама, без разрешения.Девять историй поколения, которое родилось в одной стране, успело в ней вырасти и осталось с чувством юмора, когда страны не стало. Воспоминания не по учебникам: «Правдой» за три копейки мыли окна и подтирали ж..., модные советы «Крестьянки» и «Работницы», «бьют - значит любят».Это не ностальгия «как хорошо было тогда». Это пересмотр детства - честный, смешной, безжалостный. Платье, сшитое самой себе: стань себе и модельером, и портным, и моделью.«Назад в СССР» - для тех, кто родился в СССР и помнит его кожей, а не головой;для тех, кто родился после и хочет понять своих родителей;и для всех, кто однажды решил пересмотреть своё детство взрослыми глазами.Домой можно вернуться и без машины времени. Достаточно посмотреть на своё детство прямо и рассмеяться... или заплакать.

© Прогонова Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 6
Правда про правду 7
Ленин, партия, комсомол, БАМ, Афган, крах СССР и немного хиппи 9
Совковая недостаточность 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Елена Прогонова
Назад в СССР

ЕЛЕНА ПРОГОНОВА

НАЗАД В СССР
сборник рассказов

Домой можно вернуться без машины времени

От автора

Привет! Я Елена Прогонова. Пишу с семнадцати: песни, стихи, рассказы, романы. Автор шести книг и семи сценариев, сняла свой короткометражный фильм — от первого слова сценария до финального кадра.

«Назад в СССР» — сборник рассказов о моём поколении: мы родились в одной стране, успели в ней вырасти и остались с чувством юмора, когда страны не стало. Это мемуары без глянца: ирония, точная деталь, живые герои. Многое выросло из моего собственного опыта — я знаю, о чём пишу.

Домой можно вернуться и без машины времени. Достаточно посмотреть на своё детство прямо — и рассмеяться.

Правда про правду

"Правда всегда одна..." - об этой древней мудрости от неизвестного фараона напомнил в своё время Наутилус, который Помпилиус. И для меня, рождённого в СССР человека, это было открытием, или даже больше - озарением.

До этого я знала много правд.

И самая первая - это главная газета страны "ПРАВДА", написанная таким жирным шрифтом, что размер каждой буквы был десять, если не все двенадцать сантиметров. Шесть букв занимали такую площадь, что если бы их поместить на грудь моей мамы, в виде надписи на футболке, разумеется, то смотрелось бы очень круто. А вот на моей груди, пожалуй, могло бы уместиться только "ПРАВ", "АВДА" или "РАВД", а то и вовсе "ПРА", "ВДА" или "АВД".

Несмотря на впечатляющий заголовок, предназначенный убедить любого сомневающегося издалека, газету никто не читал. Кого могла убедить трёхкопеечная "ПРАВДА"?

Зато "ПРАВДА" хорошо заменяла туалетную бумагу, которой ещё не было, или была, но не у всех. У меня и у моих одноклассников точно не было, поэтому во всех знакомых мне туалетах лежали стопочки "ПРАВДЫ", состоящие из правд поменьше примерно восемь на десять или десять на двенадцать, что составляло 4 прямоугольника из вчетверо сложенного одного листа газеты.

Прямоугольники с буквами "ПРАВДЫ" старались не использовать. Не потому, что свинец, который был в краске вреден для организма, - об этом мы узнали гораздо позже, в эру туалетной бумаги. А просто потому, что чёрная краска "ПРАВДЫ" хоть и отчищала задницы от дерьма, но взамен оставляла свой правдивый свинцово-чёрный окрас.

Ещё "ПРАВДОЙ" хорошо было мыть окна. Жидкости для мытья стёкол не было, или было, но не у всех. У меня и у моих одноклассников точно не было, поэтому стёкла в школе и дома мы натирали до блеска скомканной "ПРАВДОЙ". А разрезанной на полоски - заклеивали щели в окнах на зиму, чтобы не дуло, предварительно протыкав их этой же "ПРАВДОЙ", свёрнутой в трубочки.

В "ПРАВДУ" также насыпали семечки на базаре. Для создания треугольных кульков шли половинки от четверти листа "ПРАВДЫ", как две для туалета, только не разрезанные.

В "ПРАВДУ" заворачивали всё, от продуктов, до мусора. Идёшь, бывало, в баню, и все идут на помывку со своей "ПРАВДОЙ": кто веник завернул, кто бельишко, чтобы потом использованную газету подстелить под ноги на грязный и мокрый пол при одевании.

Жили мы весело. Летом каждые выходные были праздничными. То день танкиста, то день медика, то день строителя. Горожане дружно и не сговариваясь, семьями и компаниями выходили на "зелёную", которую позже стали называть на иностранный манер - пикником.

"ПРАВДА" была незаменимым атрибутом праздников, и разметалась из киосков "Союзпечати" подчистую. Брали сразу по нескольку "ПРАВД". Одну, чтобы постелить на траву - создав импровизированный стол. Вторую, чтобы завернуть бутылки с водкой или портвейном, чтобы не дай бог, не разбить по дороге. Третью - чтобы завернуть закусь или сделать шапочку от солнца.

Без "ПРАВДЫ" было никуда. "ПРАВДА" нужна была всем, и наверное поэтому, у "ПРАВДЫ" появилась младшая сестра - худощавая такая "Комсомольская правда", с симпатичными буквами. Двухкопеечная правда для комсомольцев сильно уступала своей сестре по части применения в быту, но зато в ней иногда попадались интересные статьи, исключительно на последней странице и размером не больше четверти листа. Именно за те небольшие искорки огня и любили младшую правду больше, чем старшую, и ласково называли "Комсомолкой", закрывая глаза на родственную связь. К тому же, у "Комсомолки" было больше орденов рядом с названием, и выглядела она красивее.

Достаточно долго я и вправду думала, что правда - это газета, которая может очень многое, и что читать "ПРАВДУ" могут только очень умные и достойные люди. Мой отчим был таким. Он не только читал каждую страницу газеты, но ещё делал вырезки, которые потом вклеивал в специальные карточки, которых у него была целая картотека.

Лежит такая "ПРАВДА" после его прочтения с виду целая, берёшь её, чтобы завернуть что-нибудь, а она оказывается вся с вырезанными квадратами и прямоугольниками, как ёлочная гирлянда. Мама моя с ним всё время ругалась из-за этого. Отчим, не зря же он такой умный, стал выписывать две "ПРАВДЫ", одну чтобы читать самому и вырезать квадратики, а вторую нам с мамой на хозяйственные нужды.

Ещё одного человека помню, кто был способен понимать "ПРАВДУ" - это Серёга, по кличке "Профессор", мой одноклассник. Он был ответственный за политинформацию в классе и единственный, кто мог накидать за пять минут текст жертве доклада о международном положении, когда подходила его очередь. Жертвами были мы все, и нашего толка хватало только на то, чтобы зазубрить раз в месяц то, что милостиво накидает "профессор". Именно за этот незаменимый навык Серёга пользовался особым уважением в классе.

"ПРАВДА" хорошо горела, и поэтому даже отчимовы обрезки шли в ход, и использовались для растопки печи.

Насмотревшись на отчима, я тоже начала вырезать из "ПРАВД" ордена. Какая же правда без орденов? В старшей "ПРАВДЕ" рядом с названием было только три ордена, и поэтому я охотилась за младшей, вырезая ордена из газет родственников. Потом мы с девочками использовали бумажные ордена вместо денег, когда играли в магазин во времена "Пионерской правды".

В нашем городке была ещё одна, местная правда, неказистая такая, как и сам город с покосившимися заборами, и называлась "Приволжская правда". Бабушка просила меня читать некрологи из неё.

И это была самая живая часть газеты, после киноафиши.

Казалось, что "ПРАВДА" будет с нами всегда. Мы выросли, а она пропала. Но зато появились туалетная бумага и прочие прелести жизни, на которые мы смотрели как папуасы, впервые увидевшие цивилизацию. Хотелось всё попробовать и про "ПРАВДУ" никто не вспоминал. Именно поэтому, для меня было удивлением узнать от Наутилуса Помпилиуса, что правда всегда одна... и я задумалась.

Позже я нашла в жизни свой смысл, про который говорили, что его нет, и свою правду, про которую говорили, что это не та правда, которая мне нужна. Но кто, лучше меня знает, какая правда мне нужна? И я знаю много таких, кто до сих пор, не задумываясь, верит в чужую "правду", когда всё просто и понятно, и блестит, как бусики на папуасах.

19.08.2021

Ленин, партия, комсомол, БАМ, Афган, крах СССР и немного хиппи

Сколько себя помню, Ленин был всегда живой и всегда был с тобой, т.е. со мной. Библиотека книжек с Лениным и про Ленина, значки, стихи, песни и даже деньги. От Ленина было не скрыться. Он был и вождём, и дедушкой, и великим, и скромным одновременно, смотрел, улыбаясь с многочисленных портретов в каждом гос.учреждении, теребил кепку одной рукой и указывал путь к коммунизму другой в каждом городе на площади или улице своего имени.

Я так мечтала стать октябрёнком, что скупила все звёздочки с портретом Ильича в киоске союзпечати ещё до поступления в первый класс. Оказалось, что быть октябрёнком - это как быть духом в армии. Никто всерьёз тебя не принимает, и первая учительница изо всех сил старается загнобить, вместо того, чтобы посеять доброе и вечное.

Я начала мечтать о том, чтобы поскорее стать пионером, хотя бы для того, чтобы избавиться от ненавистной учительницы, носить галстук, и чтобы все видели, что перед ними "Пионер - всем ребятам пример".

Мне нравилось быть пионером. Вставать каждое утро под "Пионерскую зорьку", завязывать пионерский галстук перед школой, а летом ездить в пионерский лагерь, где пионерские линейки, речёвки и пионерский костёр.

Когда тебе десять - это кажется таким милым, но к тринадцати уже не кажется. К тринадцати уже начинаешь осознавать, что твой пионерский галстук - это как колокольчик на корове, или пятно краски на курице, или ошейник на собаке - аксессуар принадлежности к безликому стаду пионеров, где "мы" - есть, а "я" - нет.

Пионеры должны были мечтать стать комсомольцами, и мы мечтали, по большей части - чтобы поскорее избавиться от ставших уже ненавистными галстуков.

Ещё мы мечтали поехать на БАМ. Одна моя часть прямо очень сильно хотела поехать на БАМ. Это казалось таким романтичным: "Веселей ребята, выпало вам строить путь железный, а короче БАМ"...

Конечно, мне в этой истории больше нравилось "веселей", которое ассоциировалось с пионерским костром и песнями под гитару, чем со строительством узкоколейки, где: "Сидят в грязи рабочие, подмокший хлеб жуют"... А другая моя часть прямо так же очень сильно хотела носить брюки-клёш и ленту в длинных волосах, влюбляться и влюблять в себя всех красивых и необычных парней под красивую музыку.

Это были мои ожидания от взрослой комсомольской жизни.

Но в реальности, чтобы протиснуться в комсомол, нужно было зазубрить материалы последнего пленума то ли ЦК КПСС то ли ЦК ВЛКСМ и запомнить сколько было партсъездов всего и чем они отличались друг от друга. Это было непосильной задачей не только для меня.

Комсомольский комитет радостно издевался над желающими вступить в комсомол, задавая каверзные вопросы из газеты про пленумы и партсъезды. Они знали, что эту муть никто в здравом уме читать не будет, и упивались унижением претендентов. Вычитают какую-нибудь фразу из первой попавшейся газеты, и хитро спрашивают: "Что сказал товарищ Брежнев на таком-то пленуме такого-то созыва о задачах комсомольской организации?"

А вот хрен же его знает, что сказал невменяемый к тому времени товарищ Брежнев, мы расслышали только "сиськи-масиськи" . И вообще, речи генсека убедительнее всего звучали в анекдотах. А вот газеты... Мозг на такое чтиво реагировал отторжением, как ему и положено природным инстинктом: "Б-эээ..."

Признаюсь, я даже не пыталась читать все эти газетные простыни про съезды и пленумы, потому как после прочтения первого предложения, уши мои сворачивались в трубочку, глаза зажмуривались, а мозг отключался - не в силах переварить неудобоваримое.

Мне легче было попытаться соблазнить ответственного комсомольца мужского пола, смотря на него глазами испуганной лани, которая совсем не против чтобы её догнали, и рассказать ему всё, что удалось запомнить из коллективной шпаргалки возможных вариантов ответов, прежде, чем зададут вопрос из первой попавшейся со стола газеты. На ответственных комсомолок оленьи глаза не действовали, поэтому приходилось хитростью выманивать их из кабинета, чтобы они не мешали процессу охмурения ответственных комсомольцев.

Вот зачем нужно было терпеть унижения и заниматься бесполезной тратой драгоценного времени?

Странновато звучит, но в то время унижения были нормой, и я как-то не особо страдала из-за этого - спасала "каска" на голове, а вот отказаться от комсомола - было равносильно стать изгоем в рядах строителей коммунизма и осветить своим маргинальным лицом школьную доску позора. На это мне не хватило смелости.

В комсомол я всё же попала, а вот на БАМ уже не успела, и слава Богу. Две ветки железной дороги, которые весело строились друг другу навстречу, так и не встретились, потерявшись в тайге.

На смену БАМу пришёл Афган. Теперь все мысли были о том, чтобы наши мальчики не попали туда, хотя сами мальчики и не понимали особой разницы между БАМом и Афганом. Мальчики хотели быть героями, не посмертно, конечно, а с орденами и генеральскими звёздами.

Потом случился Чернобыль.

А вскоре развалился и СССР, похоронив под своими обломками пионерию, комсомол, и их старшего товарища КПСС.

Сначала пропали очереди у винных магазинов, вместе с вином и водкой из них. Следом пропали продукты из продовольственных магазинов и мыло из хозяйственных. А после мы прочувствовали настоящую цену хлебу, выстраиваясь каждый вечер за ним в длинных очередях: "Хлеба к обеду в меру бери. Хлеб - драгоценность, им не сори". Хоть в этом не обманул плакат из школьной столовой.

28.08.2021.

Совковая недостаточность

Я больна. Моя болезнь поразила центр воли и атрофировала чувствительность. На фоне болезни, мне были доступны только лишь крайние проявления впечатлительности: "Вау!" и "Фууу!" Где: "Вау!" - очень хорошо, а "Фууу!" - категорически неприемлемо. В результате перебора "Вау!" часто переходило в "Фууу!" Но "Фууу!" страшило и манило одновременно. Сейчас у меня ремиссия, и я не знаю, надолго ли. Ведь рецидив может случиться в любую минуту.

Название болезни я вынесла в заголовок. А этот рассказ - попытка найти лекарство от недостаточности.

Моя мама, когда злилась, а злилась она так часто, что это слилось в моём восприятии в бесконечное "всегда", кричала. И кричала она не просто:"А-ааа!!!", а определённые слова, смысл которых, если убрать все эвфемизмы и просторечные выражения, сводился к следующему: "В семье, где все выжившие поколения привыкли довольствоваться малым, появился ребёнок, который с самого первого мгновения своей жизни начал требовать особенного к себе отношения и которому, всё, что ему не предлагали, подвергалось критике. Ему всё было мало или было не то". Этим ребёнком, как вы уже догадались, была я. Но тогда мою болезнь называли по-другому и боролись с ней всеми доступными способами.

Когда меня положили в больницу с диареей, бабушка передавала мне в форточку молоко с чесноком. Из-за этого "чудо-лекарства" я провела в больнице на месяц больше, чем предполагалось и вышла оттуда с истощением и припечатанным от бессилия врачей диагнозом: "Пиелонефрит". Наверное, чтобы оправдать синюшный цвет моего лица от голода и непрекращающейся диареи.

Мне не нравилось то, во что меня одевали и чем "пичкали". Таскать обречённо на себе доставшееся зимнее пальто, сгорбившись от его тяжести, в валенках с галошами до колена по сугробам, доходившим до краёв этих валенок, это одно. Это делает сильнее. А вот давиться двести пятьдесят граммами жирной сметаны или масла, даже если оно шоколадное - это совсем другое. Понятно теперь происхождение диареи? Нет, конечно, мои родственники не были садистами, они всё это делали из лучших побуждений, давали, как говорится "всё лучшее" детям. Просто ассортимент этого лучшего был скуден, а я мечтала о другом.

Я мечтала о балах и прекрасных принцах, о нарядах, как у принцесс и украшениях из драгоценных камней.

Я даже мастерила себе короны из фольги, благо фольги было много и разной, а "драгоценные камни" мы с девочками собирали на асфальте в парке.

Парк имени тридцатипятилетия Победы был единственным местом в городе, где был асфальт. Жители города любили собираться в нём по выходным. Именно поэтому, на асфальте в парке можно было найти за один раз целый спичечный коробок изумрудов и алмазов, а вот рубины тогда были большой редкостью, и сейчас я ясно и с горечью понимаю, почему.

Фольгу же можно было купить в магазине, но мне для короны больше нравилась другая - та, из которой на молокозаводе делали крышки для бутылок. Золотые - для жирного молока и сметаны, серебряные - для обыкновенного. Они были в рулончиках, и мне их добывал наш сосед, дядя К. Тогда все всё так добывали, и это не считалось предосудительным, а считалось большой удачей. Так вот, корона из этой фольги выглядела, как настоящая и мне нравилось создавать новые образцы, которые попадались в фильмах.

Как вы поняли из моего бесхитростного рассказа, фольга от жирного молока и сметаны мне нравилась, а вот с самим жиром у меня случился перебор. И это был первый, но не последний перебор. Благодаря неминуемой реакции организма, у меня установились прочные гра-

ницы в отношениях с жиром: я не трогаю его, а он не трогает меня. Прямая демонстрация примера: "Всё, что ни делается, к лучшему!" и "Что не убивает, то делает нас сильнее".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.